

Засодимский Павел Владимирович

В зимние сумерки

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
П12

П12 **Павел Владимирович З.**
В зимние сумерки / Засодимский Павел Владимирович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 402 с.

ISBN 978-5-519-85843-4

ISBN 978-5-519-85843-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

и то, что было уже давно, и то, что теперь отъ тебя далеко-далеко... Такъ вспоминаешь, думаешь, мечтаешь — и не видишь, какъ время летитъ.

Иногда приходили ко мнѣ дѣтишки, и я отъ души былъ радъ этимъ милымъ гостямъ. Они порой отвлекали меня отъ грустныхъ думъ, отъ тягостныхъ воспоминаній; ихъ жизнерадостныя лица, ихъ веселый говоръ и смѣхъ прогоняли мои мрачныя думушки.

Молодежь усаживалась вокругъ меня передъ огонькомъ, а мой любимецъ Ваня присаживался всѣхъ ближе ко мнѣ — на коверъ у моихъ ногъ.

Зная, что я люблю вечеромъ посидѣть передъ огнемъ, дѣти иногда подбрасывали въ печку дровъ и затѣмъ который-нибудь изъ нихъ приступалъ ко мнѣ съ просьбой (чаще всѣхъ Лиза), чтобы я рассказалъ имъ что-нибудь...

— Что же я вамъ расскажу? — говорилъ я.

— Да что-нибудь... сказку, бывальщину, какую-нибудь исторію о путешествіи... или о томъ, какъ вы были маленькимъ!.. — отвѣчали мнѣ.

Они меня такъ упрашивали, такъ настойчиво приступали ко мнѣ, что я рѣшительно не могъ отказать имъ и пачиналъ имъ рассказывать, что приходило мнѣ въ голову или — вѣрнѣе сказать — что припоминалось мнѣ въ ту пору.

Сосновыя полѣнья слегка потрескивали, пріятная теплота распространялась по комнатѣ, иногда пахло дымкомъ, и дрожащій, красноватый свѣтъ озарялъ наше маленькое общество...

Молодежь внимательно слушала мои рассказы. Ваня, все сидя на коврѣ, клалъ руки ко мнѣ на колѣни, опускалъ на нихъ свою бѣлокурую, кудрявую голову и, устремивъ на меня голубые глазенки, съ забавнымъ, пристальнымъ любопытствомъ смотрѣлъ мнѣ въ ротъ. И по его умному, выразительному личику я могъ наблюдать, какъ быстро смѣнялись впечатлѣнія въ его дѣтской воспріимчивой душѣ. Лицо его то свѣтлѣло, сіяло улыбкой, то затуманивалось, омрачалось печалью, какъ темнымъ облачкомъ.

Дрова въ печкѣ помаленьку догорали, красные уголья перекрывались сѣрою золой, лишь золотистыя искры перебѣгали кое-гдѣ, кое-гдѣ вспыхивалъ синій огонекъ и въ то же мгновеніе замиралъ... Наконецъ рассказъ мой кончался. Мы всѣ оставались довольны другъ другомъ. Особенно я былъ радъ тому, что могъ доставить своимъ слушателямъ хоть какое-нибудь удовольствіе: вѣдь зимній вечеръ такъ дологъ, такъ медлительно въ ту пору движется часовая стрѣлка...

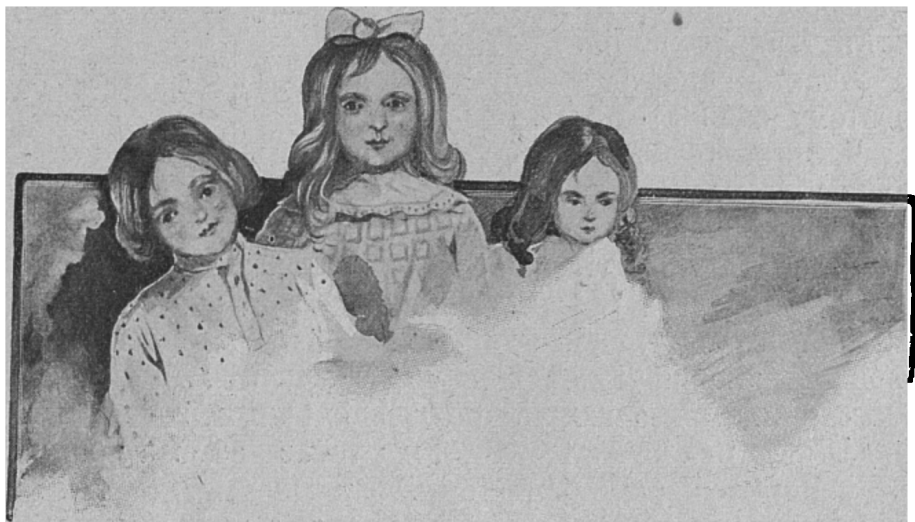
Зажигали лампу, — и изъ міра фантазій и грезъ, отъ сказаній временъ стародавнихъ, фантастичныхъ иногда не менѣе любой грезы, — мы возвращались къ живой дѣйствительности. Да и было пора... Въ столовой уже кипѣлъ самоваръ, и было слышно брянчанье чайныхъ ложечекъ и чашекъ.

Въ началѣ десятаго часа мои юные друзья шли спать и спали крѣпкимъ, спокойнымъ сномъ, какимъ обыкновенно спятъ здоровыя деревенскія дѣти. Незамѣтно для меня летѣло время, проходилъ день за днемъ,

и мнѣ было такъ покойно, такъ отрадно въ гостепріимномъ деревенскомъ домѣ.

Вставали мы въ семь часовъ, при огнѣ пили чай, а затѣмъ, когда уже разсвѣло, молодежь принималась за свои занятія. А въ сумерки опять въ моей комнатѣ собиралось маленькое общество, и опять начинались рассказы «передъ огонькомъ».

Рассказы были незатѣйливы, но приходились по вкусу моей невзыскательной публикѣ... Рассказывалъ я объ

одной маленькой дѣвочкѣ, заблудившейся въ лѣсу, потомъ, что съ нею тамъ приключилось; повѣдалъ я восточное сказаніе о грозномъ Шахѣ и о мудрецѣ Али Керимѣ; рассказалъ повѣсть о жалкой участи уличнаго музыканта, потомъ, какъ однажды въ его печальной жизни свѣтлый лучъ ему мелькнулъ, рассказалъ о тайнѣ одной старинной башни, сказывалъ сказочки о бабочкѣ съ оторванными крылышками, о василькѣ, о цвѣтахъ, «недолго живущихъ»...

Впрочемъ, если я два-три вечера подъ рядъ рассказывалъ повѣсти и сказочки, то я замѣчалъ, что нѣкоторымъ изъ моихъ гостей надоѣдало слушать вымышленныя исторіи. А Маня однажды прямо мнѣ заявила:

— Расскажи намъ, дядя, что-нибудь такое, что «вправду» было...

Послѣ того сказочки стали чередоваться съ былями.

Я рассказывалъ объ «исчезнувшихъ городахъ», о своихъ странствованіяхъ по глухой лѣсной сторонѣ, сообщалъ кое-что изъ своего дѣтства, говорилъ о своемъ старомъ дѣдушкѣ; однажды рассказалъ о томъ, кто въ Россіи напечаталъ первую книгу, въ другой разъ зашла рѣчь объ одномъ итальянскомъ ученомъ—о гениальномъ человѣкѣ и великомъ страдальцѣ; затѣмъ цѣлый вечеръ былъ посвященъ разсказу о царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ...

Итакъ, наши рассказы сдѣлались разнообразнѣе и поэтому занимательнѣе.

Часто я вспоминаю теперь объ этихъ вечерахъ, вспоминаю съ удовольствіемъ и съ грустью: хороши были тѣ вечера, но они прошли и уже не возвратятся...

Рассказы «передъ огонькомъ», которыми я нѣкогда забавлялъ моихъ милыхъ юныхъ друзей, живя въ деревенскомъ домѣ, впослѣдствіи были напечатаны въ различныхъ журналахъ. Теперь я собралъ нѣкоторые изъ нихъ и задумалъ издать отдѣльной книжкой—въ той надеждѣ, что кое-что изъ того, что я рассказывалъ тогда въ зимнія сумерки, быть-можетъ, и вамъ придется подушѣ и поможетъ вамъ коротать долгіе зимніе вечера.

Въ лѣсу.

(Изъ деревенской жизни.)

I.

Зимній вечеръ въ Пахомовой избѣ.

Надо бы, Пахомъ, дровъ порубить... Помнишь, въ прошломъ-то году дровъ у насъ до Михайлова дна не хватило... Плохое это дѣло!.. А теперь куда морозовъ-то большихъ нѣтъ, поѣздили бы ты въ лѣсъ...

Такъ говорила своему мужу однажды вечеромъ Лизавета, починая шубейку.

— Я и то хотѣлъ завтра утречкомъ съѣздить!—отвѣтилъ ей Пахомъ.

Онъ переворачивалъ въ рукахъ старый порванный хомутъ, мечтая о томъ, какъ бы обдѣлать его заново.

— Тятя, и я съ тобой!..—промолвила Марица, встряхивая своими бѣлокурыми волосами.

— Зазябнешь, Маришка... Куда тебѣ!—перебила ее мать.—И что теперь тамъ взять?.. вѣдь теперь не лѣто, въ лѣсу студено!..

— Тятя! А, тятя! Возьмешь меня?—слегка надувъ губки и какъ бы не слыша матери, приставала Мариша къ отцу.

— Ладно, ладно! Возьму...—проговорилъ тотъ, продолжая размышлять надъ свѣжимъ хомутомъ.—Да что жъ, пускай! Вѣдь она со мной не впервой въ лѣсъ поѣдетъ... Хоть валежнику потаскаеть, хворосту къ зимѣ тоже нужно!

— Да ужъ про тебя что и говорить! Ты—извѣстный баловникъ...—прворчала Лизавета.

Маришѣ исполнилось тринадцать лѣтъ, но она была такая маленькая, такая худенькая, что казалась гораздо моложе. Она была любимицей отца, и Лизавета не напрасно называла мужа «баловникомъ».

Теперь дѣвочка сидѣла на лавкѣ, рядомъ съ отцомъ, а на колѣняхъ ея лежала хорошенькая бѣлая кошечка съ сѣрыми пятнами и, прищурившись и ласково мурлыча, посматривала на нее.

На краю стола стояла довольно глубокая, небольшая глиняная плошка, наполненная саломъ, и погруженный въ нее самодѣльный фитиль горѣлъ, мигая и треща, и его слабымъ мерцающимъ свѣтомъ озарялись маленькія оконца, слегка на ту пору разрисованныя морозомъ, и почернѣлыя бревенчатые стѣны Пахомой хаты.

Пахомъ былъ крестьянинъ не богатый, но, и не бѣднякъ. Старая изба его еще не валилась на бокъ и не особенно горбилась подъ своею соломенною крышей; завалинка къ зимѣ обдѣлывалась старательно, и въ избѣ до самаго утра было тепло. Пахомъ, жена его и ихъ единственная дочь, Марина, разутыми и раздѣтыми не ходили, хотя—надо ужъ правду сказать—нарядами не щеголяли, и ихъ будничная одежда пестрѣла заплатками, ушивалась и перешивалась не однажды на всякіе лады. Въ праздники въ Пахомовой семьѣ за обѣдомъ иногда ѣли мясныя щи и вареную говядину съ картофелемъ, а также яичницу на молокѣ. Только въ самые неурожайные

годы у Пахома не хватало хлѣба до новой ржи... ну, тогда у деревенскихъ богачевъ брали понемногу въ долгъ, жили впроголодь. Денегъ у Пахома не водилось, какъ и у большинства нашихъ крестьянъ, но въ избѣ и по хозяйству все необходимое было въ исправности.

«Ни за плошкой ни за поварешкой въ люди не побѣжимъ!» не безъ самодовольства говаривала про себя Лизавета, очевидно, намекая на тѣхъ бабъ, которыя по праздникамъ «выряжались не въ свою голову», а въ будни бѣгали по сосѣдямъ, выпрашивая то горшка, то рѣшета, то щепотку соли, то еще чего-нибудь...

У Пахома на дворѣ въ одной половинѣ сарая стояла Буренка съ телушкой, а въ другой половинѣ стояла Чалка—вѣрная, безсмѣнная помощница Пахомова во всѣхъ сельскихъ работахъ, помощница добрая, кроткая, смиренная. Были еще у Пахома три овцы съ двумя малыми ягнятами...

Каждому страннику, просившему подающа, каждому нищему или больному-калѣкѣ Лизавета, не скупясь, отрѣзывала отъ коровья ломоть хлѣба. Конечно, каждый кусокъ хлѣба доставался Пахомовой семьѣ нелегко, добывался тяжкимъ трудомъ, но не подѣлиться съ голоднымъ нельзя.

«Какъ можно не подать нищему, коли у насъ хлѣбушко есть!» разсуждала Лизавета.

И такъ думала не она одна,—такъ думаетъ и весь многомилліонный русскій народъ. Нашъ крестьянинъ, иногда самъ бѣднякъ, никогда не ропщетъ на то, что ему приходится подчасъ послѣднимъ кускомъ дѣлиться съ человѣкомъ, еще болѣе его несчастнымъ. И вотъ почему вездѣ на Руси, въ деревняхъ, около рабочаго народа живетъ, кормится много-много старыхъ, безпріютныхъ людей, нищихъ, увѣчныхъ, больныхъ, сиротъ...

Мариша видѣла, что ни мать ни отецъ никогда не отказываютъ нищему въ кускѣ хлѣба, не говорятъ ему: «Богъ подастъ», но сами подаютъ... и поэтому, если какой-нибудь бѣднякъ подходилъ къ ихъ избѣ и, стуча подъ окномъ, просилъ «Христа ради» въ то время, когда

ни отца ни матери не было дома, то Мариша уже знала, что надо дѣлать: брала изъ поставца хлѣбъ и, вооружившись ножомъ, неумѣло, своими дѣтскими ручонками отрѣзывала ломоть — и чаще слишкомъ толстый, чѣмъ тонкій... Она была дѣвочка очень добрая, любящая, и голубые глазки ея часто смотрѣли такъ, какъ будто она кого-то жалѣла, хотѣла просить, молить за кого-то.

Маришу нельзя было назвать ни хорошенькой ни дурнушкой. Это была заурядная крестьянская дѣвочка, какую можно встрѣтить въ любой деревнѣ. Ея почти круглое личико, съ ямками на щекахъ, со слегка вздернутымъ носомъ и довольно толстыми губками, лѣтомъ покрывалось веснушками и такимъ густымъ, темнымъ загаромъ, что отецъ звалъ ее «цыганенкомъ», хотя и самъ подъ конецъ лѣта становился не бѣлѣе цыгана. Ясные голубые глазки ея были недурны: въ нихъ словно отражалась лазурь безоблачнаго неба; хороши были и ея бѣлокурые волосы, густые и такіе длинные, что Мариша уже заплетала ихъ въ косу. Лицомъ и нравомъ Мариша походила на отца.

Пахомъ былъ человѣкъ работающій, смирный, тихій.

— Телушка тебя избидить! — смѣясь, говаривала ему Лизавета.

Съ виду онъ былъ неказистъ: средняго роста, широкоплечъ, худощавъ и очень сѣтуловатъ, но, несмотря на такую невзрачную наружность, Пахомъ былъ здоровъ и такъ силенъ, что не только телушкѣ, но и людямъ не легко было бы «избидѣть» его, если бы тѣ вздумали на него напасть.

Лизавета была совсѣмъ въ другомъ родѣ: высокая, стройная, смолоду она была очень красива, хотя и теперь она была еще не старуха, но на вискахъ ея и подъ глазами прошли морщины, лицо было какъ-то желтовато-блѣдно, и щеки впали: тяжелый трудъ, заботы да тревоги не красятъ.

Лизавета была бойчѣе, проворнѣе мужа, торопливѣе его въ работѣ и нерѣдко подталкивала, понукала его. Иной разъ лѣтомъ Пахомъ не прочь бы лишнюю минуту посидѣть гдѣ-нибудь въ тѣни, подъ кустомъ, позаду-

маться, послушать, какъ птичка поетъ, поглядѣть на красы міра Божьяго, а жена вздохнуть ему не даетъ, торопить...

— Полно валяться, Пахомъ! Сѣно-то ужъ высохло... Убратъ бы его до дождя!—говоритъ, бывало, Лизавета.

И Пахомъ покорно встаетъ и, взявъ грабли, идетъ за женой сгребать сѣно.

Зато зимою, въ досужную пору, Пахомъ, лежа на полатахъ или на печи, могъ вволю раздумывать про себя. И мысль его въ тѣ минуты летѣла далеко отъ его родного, убогаго Труханова, гдѣ онъ родился, выросъ и прожилъ всю жизнь. Приходили ему на память рассказы бывалыхъ людей о большихъ городахъ, о Москвѣ, о Питерѣ, которыхъ въ цѣлый день не обойдешь. Вспоминалъ онъ рассказы и стараго словоохотливаго солдата о войнѣ, о туретчинѣ. Въ особенности же его увлекали и очаровывали розказни страпниковъ о далекихъ краяхъ, гдѣ круглый годъ—лѣто, гдѣ хлѣбъ родится по два раза въ годъ, гдѣ растутъ какія-то чудесныя деревья, и невиданные звѣри рыщутъ въ лѣсахъ, а въ рѣкахъ живутъ страшныя чудовища—ни рыба ни звѣрь—и поѣдаютъ людей однимъ махомъ... Конечно, тамъ страшно жить, а все-таки Пахомъ хотъ бы однимъ глазкомъ взглянулъ и на сине-море, и на горы, поднимающіяся до облаковъ, и на чудовищъ, и на всѣ диковины чужедальной стороны...

Зимній вечеръ медлительно тянется въ Пахомовой избѣ. Лизавета шьетъ, поправляя порой свѣтильную ночника; мужъ возится надъ хомутомъ, почесываетъ затылокъ и вздыхаетъ. Изрѣдка они переговариваются между собой... Мариша сидитъ, прислонившись къ стѣнѣ, а Мурка нѣжится у нея на колѣняхъ... протянула ей на плечи свои бѣлыя, мягкія лапки, прикинула головой къ ея груди и напѣваетъ «мры-мры»... И подъ ея пѣсенку Мариша тихо дремлетъ.

— Ложилась бы лучше, коли спать охота!—замѣтила ей Лизавета.

— Мнѣ бы поѣсть, мама...—пробормотала Мариша.

— Да, и въ самомъ дѣлѣ, поужинать бы, что ли! Вечорніе-то пѣтухи уже давно пропѣли...—весьма убѣдительно, позѣвывая, сказалъ Пахомъ.

Лизавета спрятала свою работу и стала собирать ужинъ. Она положила на столъ три ломтя хлѣба, а затѣмъ явилась овсяная похлебка съ накрошенной въ ней головкой луку, и потомъ кислое молоко съ творогомъ. Мариша, разумѣется, не позабыла и своей любимицы: Мурка также получила свою долю молока съ творогомъ и съ кусочками хлѣба. Она припала къ своему глиняному черепку, стоявшему у печки, и поужинала съ большимъ аппетитомъ.

Вскорѣ огонь погасъ въ Пахомовой хатѣ, всѣ легли спать, и только прерывистое «мры-мры» еще недолго слышалось въ ночной тишинѣ.

II.

Въ лѣсъ за дровами.

Въ сѣромъ зимнемъ небѣ еще не брезжилъ разсвѣтъ, а въ Пахомовой хатѣ всѣ уже были на ногахъ.

Лизавета топила печь...

Дрова, сложенные въ клѣтку подъ закоптѣлымъ сводомъ печки, ярко горѣли, потрескивая и сыпая искры. Красноватый, дрожащій отблескъ огня пробѣгалъ по оконцу, разрисованному снаружи серебристыми узорами. Въ избѣ припахивало дымомъ...